

Dohnal, Josef; Čul'kov, Michail Dmitrijevič

Михаил Дмитриевич Чулков (1744-1792)

In: Dohnal, Josef. *Русская литература XVIII века. Избранные тексты II., Хрестоматия.*
1. vyd. Brno: Masarykova univerzita, 2014, pp. 121-142

ISBN 978-80-210-7065-3; ISBN 978-80-210-7068-4 (online : Mobipocket)

Stable URL (handle): <https://hdl.handle.net/11222.digilib/130399>

Access Date: 16. 02. 2024

Version: 20220831

Terms of use: Digital Library of the Faculty of Arts, Masaryk University provides access to digitized documents strictly for personal use, unless otherwise specified.

Михаил Дмитриевич Чулков

(1744–1792)

Вторая половина XVIII века в русской литературе характерна и тем, что растет количество читателей: это и результат роста грамотности, и заслуга журналов, и следствие того, что книги становились дешевле. Это, однако, и результат нового «стиля» литературы, соединяющего «полезное с приятным», т.е. литературы, которая кроме содержания, приносящего возможность задуматься над данной темой, приносит читателю и наслаждение. М. Д. Чулков – один из представителей именно такого направления в русской литературе.

Прочитав ниже приводимые тексты, определите, чем именно они могут оказаться привлекательными для тогдашнего читателя. Какие новые темы чулковские произведения приносят?

Из Пересмешника

В ЧУЖОМ ПИРУ ПОХМЕЛЬЕ

Попал и Милозор – неубогие нашей империи дворяне, великие между собою друзья и довольно по городу знатные люди. Милозор был холост, а друг его женат; хотя и сомнительно, чтоб между такими людьми могло быть сохраняемо дружество, однако они довольно старались умножать его и почитали за удовольствие быть верными друзьями. Ревность к жене Попала не запрещала Милозору быть всякий день в его доме и обходиться свободно с его супругою, которая называлась Прекраса. Попал, положась на дружество своего приятеля, нимало не сомневался в его честности. Напротив того, и Милозор хранил ее столько, сколько добродетельный и разумный человек сохранить ее может. Он не только сделать, но и подумать не хотел, чтоб опорочить брачное ложе своего друга и приставить ему рога, хотя и имел в себе довольно достоинства, чтоб поколебать верность его супруги, для того что в нынешние времена всякой постоянной жены добродетель и верность и без ветра шатаются. Однако Милозор не хотел этого и слышать.

А как известно, что в древние времена черти были великие смельчаки и непосредственные нахалы, то некто из оных для разгулки замешался в сие дело, начал дурно и кончил нехорошо, что покажет и последование.

У Попала в доме жила крепостная его девка, она была весьма знакома Ладе, которая дарила ее всякий день новыми прелестями для влюбившегося Милозора, которого сердце раздроблено было стрелами сея красавицы. Впрочем, не обижая Прекрасу, имела она с ней равную красоту. Милозор всякий день старался подцепить сию красотку, склонял ее деньгами, обещал выпросить ей свободу и, словом, поднимался на всякие мудрости; однако ничто ему не удавалось. Наконец, когда увидел он, что все его поиски и хитрости напрасны, тогда предпринял объявить об этом Попалу, которого дружество, надеялся он, учинит ему помощь. В этом он и не обманулся. Попал обещал ему сделать сию услугу; а что она порочна, то они оба знали, да, думаю, и сочинитель об этом ведаёт, только не знает, как примет ее читатель; ежели он великодушен, то, конечно, простит слабость сию двум молодым друзьям. Начали они советовать таким образом. Попал говорил своему другу:

-- Слушай, Милозор! Я притворюсь в нее влюбленным и начну склонять ее ласкою; а ежели она не склонится, то употреблю в сем случае господскую власть и принужу ее силою. Сегодня ночью в двенадцатом часу прикажу ей прийти в сад, в ту темную беседку, в которой, как ты знаешь, и днем никого почти не видать, не только ночью, и так ты вместо меня можешь пользоваться этим случаем.

Выдумка была похвалена с обеих сторон, и Милозор высыпал благодарности своему приятелю с излишком.

-- Я столько обрадован, -- говорил он ему, будучи в восхищении, -- как будто бы уже все действительно получил.

-- Поезжай домой, -- отвечал ему Попал, -- чтоб лучше избежать подозрения, и в назначенное время явись к одержанию победы.

Потом они расстались. Попал, нимало не мешкая, начал предприятие свое производить в действо; в чем ему очень легко и удалось. Устрашенная прелестница обещала ему все по его воле исполнить.

Когда начала приближаться ночь к нашему Зениту, тогда расплаканная девушка пришла к госпоже Прекрасе и объявила ей происхождение свое подробно. Сколько ни велик был страх, однако сожаление было в ней больше, чтоб потерять свою честь. А правда или нет, что она так много сожалела о своем целомудрии, того я и сам не знаю. Кажется мне, что всякая взрослая девушка охотно согласится поамурится в темной беседке, где никакого стыда на лице приметить не можно;

впрочем, я того не утверждаю и оставляю толковать тем людям, которые меня гораздо попостояннее. Прекраса, услышав сие, пришла в превеликое огорчение: бешенство овладело ее сердцем и наполнило ее ненавистью к мужу, вот ему поверить должно без всяких отговорок, потому что ревность все в состоянии Сделать из женщины. Пришед опять в прежнее чувство, благодарила она свою девку от искреннего сердца и обещала ей награждение, а мужу вознамерилась мстить за ого неверность. И так приказала она мнимой своей совместнице куда-нибудь на время спрятаться, а сама пошла на назначенное свидание, нимало не сомневаясь, чтоб кто-нибудь другой туда пришел, выключая ее мужа. И таким образом, будучи в сих мыслях, пришла туда и, подождав малое время, услышала, что подходит к ней человек, который не хотел ей сказать ни одного слова, затем чтобы его не узнали, а Прекраса также. И таким побытом Милозор, не мешкая нимало, исполнил то, за чем пришел. После, взявшись оба за руки, пошли вон из их сборища, в которое завел их сонный Купидон. В превеликой шли оба радости: один думал открыть свою страсть своей красавице, а другая хотела укорять своего мужа неверностью. Ночь была довольно светла, и без всякой остановки можно было им себя разглядеть. Как скоро они вышли на свет, то, взглянув друг на друга, ахнули и остолбенели; стыд замешался между ними и сделал их неподвижными. Потом Прекраса вскоре увидела своего мужа, а Милозор своего друга, который, проведая все от девки, бежал предупредить нечаянное свое несчастье. Как скоро он к ним подбежал, то оба они стали перед ним на колени и как возможно лучше извинялись в своем погрешении. Выслушав их, бедный рогаговец бросился и сам перед ними на колени и просил у жены своей прощения. Все были правы и все виноваты: Прекраса и Милозор остались в выигрыше, а Попал, желая услужить другу, проиграл свое собственное и сказал: „Быть так, грех да беда на кого не живет“. Впрочем, дружество их сею свалкою не кончилось; хотя они сделались свояками, однако друзьями умерли.

СТАВЛЕННИК

У некоторого дворянина в селе отошел священник к братии аде лежащим и повсюду православным, а простее умер, остался господин, крестьяне и, словом, все словесные овцы без пастыря. В будни могли они обойтись без попа, а в воскресные дни никоим образом было невозможно, потому что они не знали, в которые дни долженствовали быть праздники. Господин имел у себя дьячка, который очень

скуден был разумом, однако ж он умел читать и писать по-деревенски, так думали, что для сельского попа таланта этого и довольно. Помещик написал письмо к близкоживущему от них архиерею, чтоб он, проэкзаменовав его дьячка, посвятил бы в попы; и так отправил с письмом дьячка к оному.

Архиерей, прочитав письмо, хотел исполнить просьбу господина и так желал узнать разум дьячка, к нему присланного.

-- Должно, -- говорил ему, -- увериться мне в том, довольно ли ты читал духовных и светских книг и сколько ты об оных имеешь понятия; выпиши мне вкратце, что говорят в своих сочинениях Лукьян, Федр и Плутарх, -- и так отпустил его от себя.

Спустя целые три дня пришел дьячок к архиерею, который спросил его о задаче, приказал читать при всех, кто тут ни был. Дьячок перекрестился и начал:

-- Лукьян говорил, чтоб чужие мужики монастырского лесу не рубили, а коли не так, то высекут их плетью; Федор говорит, что он мясом больше торговать не хочет; а плут кричит громче всех: „Не шуми, мати зеленая дубрава“.

Архиерей, услышав это, ужаснулся и не знал, что и говорить такому великому проповеднику; однако, собравшись с силами, спросил его, откуда он это выписал?

-- Это я от них от самих слышал, ваше преосвященство, -- отвечал дьячок. -- Третьего дня, как я от вас пошел, увидел мужика, сидящего на дереве, который кричал, чтоб не рубили монастырского лесу. Я спросил его имя, и он мне сказал, что зовут его Лукьяном. Прошед еще несколько, встретились со мною два прохожих, из которых один говорил, что он мясом торговать больше не хочет; также спросил я и этого об имени, и он мне сказал, что называют его Федором. Подходя к нашей деревне, увидел я нашего охотника, который, сидя под деревом, пел песню „Не шуми, мати зеленая дубрава“; этого я об имени не спрашивал, для того что я знаю, он изо всей нашей деревни первый плут; и так, пришедши домой, записал я все их слова, которые и читал теперь перед вашим преподобием.

Архиерей тотчас отгадал весь его разум и сведение и, желая еще уведомиться о его премудрости, говорил ему:

-- Слушай! У Ноя было три сына, Сим, Хам и Афет, кто им отец?

-- Пожалуйте на три дни сроку, -- отвечал ставленник, -- для того что эта задача весьма трудная.

Архиерей позволил ему три дни о том подумать.

Дьячок, пришедши домой, выгнал жену свою и детей всех вон из избы и, запершись кругом, начал ходить взад и вперед и твердить:

-- У Ноя было три сына, Сим, Хам и Афет, кто им отец, у Ноя было три сына, Сим, Хам и Афет, кто им отец.

Препроводил в сем упражнении день, и на другой твердит все то же. Жена, пришедши к дверям, послушала и узнала еще в первый раз, что муж ее глуп через край, и так начала стучаться. Дьячок, занятый важными мнениями, рассердился на свою жену больше, нежели Юпитер на гигантов; тот побил их всех громом, а этот хотел пришибить жену свою обухом.

-- Куда ты идешь, -- говорил он, -- безмозглая тварь, и мешаешь мне думать о таком важном деле?

-- Не то ли велико, -- спрашивала жена, -- что ты твердишь целые уже два дни?

-- Да, двуножная скотина, -- отвечал муж, -- на что ты мешаешься в такую премудрость, к которой природа произвела меня и мне подобных мужей?

-- Да, я вижу, -- отвечала жена, -- что ты со всею своею премудростью не можешь растолковать безделицы.

-- Что ж ты называешь безделицею, говори, -- закричал дьячок, рассердившись.

-- Ты твердишь, что у Ноя было три сына: Сим, Хам и Афет, в не знаешь, кто им отец?

-- Да, -- отвечал дьячок.

-- Глупый! глупый! -- говорила жена, -- да у нашего кузнеца Василия три сына, Николай, Иван, Алексей; ну, так Василий кузнец им и отец.

Разумный муж усмехнулся и благодарил ее от всего дьячковского сердца, что она растолковала ему столь трудную задачу; и так поутру, не успело еще рассветать, то он и отправился к архиерею в превеликой радости.

Архиерей как скоро его увидел, то и спросил:

-- Ну, решил ли ты свою задачу?

-- С превеликим успехом, ваше преосвященство, -- отвечал он архиерею. -- Вы изволили спрашивать, у Ноя было три сына, Сим, Хам и Афет, кто им отец?

-- Да, -- отвечал ему архиерей.

Дьячок ему говорил:

-- Ну, так я вам сказываю, нашего села Василий кузнец.

Преострая эта голова сделала то, что архиерей захохотал изо всей силы, и все, кто тут ни был, не могли удержаться от смеха.

Пересмеявшись, спросили у него, в каком он летописце сыскал такую правильную родословную.

-- Жена моя мне сказывала,-- отвечал он,-- а она действительно знает этого кузнеца и всех его домашних.

Потом спрашивал архиерей у стоящего тут священника, как должно поступить в таком случае, ежели упадет в дары муха? Священник говорил:

-- Сложив два перста, изъяти ее, вложить во уста, обсосать и выплюнуть в укромное место; а если совесть не зазрит, то и проглотить.

-- Ну, а у тебя ежели случится, что упадет бык в святую воду, -- спрашивал архиерей у ставленника, -- как ты с ним поступишь?

-- Сложив два перста, -- отвечал дьячок, -- изъяти его, вложить во уста, обсосать и выплюнуть в укромное место; а ежели совесть не зазрит, то и проглотить.

Архиерей сказал ему на это, что он опасен будет для общества, ежели станет глотать по целому быку в один раз.

-- Нет, друг мой,-- примолвил он, -- ты имеешь весьма высокое понятие, и так советую тебе лучше быть астрономом, нежели попом, паши ты лучше землю днем, а ночью примечай движение планет, авось-либо какой-нибудь басенный бог вместит тебя в небо и сделает новое созвездие под именем дурака.

И так не велел ему быть и дьячком, не только попом.

ДРАГОЦЕННАЯ ЩУКА

По древнему названию посул, по-нынешнему взятки, а по-иностранному акциденция когда начало свое восприяла, в том все ученые между собой несогласны, да и в гражданской истории эпоху сию не скоро сыскать возможно; а потому и нельзя достоверно утвердить, какой народ преимущество в том изобретении взять должен.

Не заимствуя в истории других государств, удоволимся мы бытием дел и случаев своего отечества. В древние времена позволены были у нас взятки, что доказывается челобитными, подаванными от тех людей, которые желали определиться в город воеводою, в них писали обыкновенно: „Надежа-государь, отпусти в город покормиться“. А потом и от дел акциденция была дозволена; но как государственные доходы приведены в совершенную известность и меру, а потому учинены штаты и определено всем находящимся у дел жалованье, то взятки, или, учтивее, акциденция, вовсе отменены и строго запрещены.

Великая сия перемена учинилась причиною великих изобретений, и заботливые умы к накоплению имени дробными правилами не давали себе покоя и составили из себя целые академии проектов, каким образом подкопаться

под храмину, сооруженную на твердом и глубоком каменном фундаменте. Многим было предприятие сие неудачно, а другие, поосновательнее их в изобретениях, получили довольные успехи. Явно брать взятки не дерзнули, но направили их течение потайным каналом, прикрыв его таким покрывалом, что иногда и самые прозорливые люди увидеть и дойти до того никак не могут. Исчисление коих хитростей, ежели оные описывать, составит пять частей „Пересмешника“, а нам недостает здесь только двадцатой главы; следовательно, описание их должны мы оставить до другого случая, а теперь удовольмся одною только из них хитростию, а именно похождением драгоценной щуки.

Около того времени некто основательный человек, с расчетом эконома, приказан, прозорлив, искателен и заботлив, отставной надворный советник, определен был воеводою в город, стоящий подле реки, из знатных в России, из которого обыватели отправляли торговлю к портам и были нарочито зажиточны, не токмо собственно для себя, но могли служить и начальникам, что вновь определенному воеводе небезызвестно было. Он прибыл в город со своею свитою в половине дня и поместился в доме, нарочно для него заготовленном, убранном и всею домашнею утварью снабженном. Магистрат, испросив дозволение, пришли к нему на поклон с хлебом и солью. Хлеб лежал на серебряном блюде и соль в золотой солонке. Воевода, приняв хлеб и высыпав на оный соль, блюдо и солонку отдавал им назад. Купцы, не принимая, кланялись и говорили, что хлеб от посуды не отлучается и они кланяются всем его высокоблагородию; который, приняв на себя суровый вид, говорил им гневно, чтобы они и впредь так поступать не отваживались, и когда до него приучены к таким неблагопристойным поступкам, то во время правления его должны отвыкнуть. Купцы, как громом поражены будучи, взяв блюдо и солонку, пошли в магистрат и, уподобясь черной земле, не могли друг другу и сообщить своего отчаяния по причине той, что воевода уже не по ним, который не принимает от них таких поклонов, а особливо при нервном случае; каковое их сердечное предчувствование вскоре потом и сбылось.

На другой день поутру разлилась великая и непомерная строгость по городу. Мещане, кои были попростев купечества, думали, что правительство вместо воеводы впустило к ним в город неученого лесного медведя, с которым они сладить не могут; а поразумнее обыватели пришли от того в отчаяние и не знали, что начать: собрались в магистрат, сидели, повеса головы, и один другому не говорили ни слова. Старик, лет семидесяти, подошел в то время к собранию, говорил:

-- Не отчаивайтесь, друзья, не вешайте голов и не печальте хозяина; огладится зверек -- ручнее будет. Я уже доживаю седьмой десяток и воевод здесь много видал; тут есть, может быть, какая-нибудь уловка: сыщите кого-нибудь из его

домашних на свою сторону и выспросите, не охотник ли его высокоблагородие до чего-нибудь особо; так дело все и перевернется на другой манер.

Совет стариков принят был за благо, и отряжен в ту комиссию молодой купец, человек проворный, говорун, торгующий виноградными напитками: то с помощью их и пятидесяти рублей серебряной монеты на другой день, ко удовольствию всего города, купечества, мещанства, ремесленных и прочих обывателей, объявлено было от него, что он чрез камердинера воеводского проведаль, что его высокоблагородие неслыханный охотник до щук. Без всякого промедления найдена была в городе самая большая щука, заплачено за нее без ряда, и поднесена воеводе, который с превеликим восторгом принял ее своими руками и сказал магистрату:

-- Вот подарок, которым вы меня крайне одолжили, и я вам должен чисто-сердечно признаться, что я такой до них охотник, что все то, что вам ни угодно, делать буду, и вы от меня ни в чем отказу не получите.

Догадка изрядная, опыт с успехом, и купцы были весьма обрадованы, что они такую милостию могут иметь воеводу всегда па своей стороне. На другой день купец, имевший домашнее дело свое в канцелярии еще не решенным, вознамерился утруждать о том новоопределенного воеводу; просьбы же своей никогда они без приносу не употребляют; а известен уже будучи, что судья кроме щук ничего не принимает, пошел он на садки и спрашивал отменной величины щуки; ему показана была похожая на вчерашнюю, за какую от магистрата заплачено было четыре рубля, но с пего просили уже восемьдесят рублей. Знал он верно, что нужда закон переменяет; а притом, может быть, имел уже и сию догадку, что для воеводы малоценная щука невкусна; заплатил требуемую сумму и отнес к градодержателю, которым он и щука приняты были благосклонно, и продолжавшееся дело обещано было кончить. На третий день магистрат, собравшись попросить воеводу о некотором общественном деле, за такую же щуку заплатили уже триста рублей. Наконец дошло до сведения всего города и уезда, что щуки, подносимые воеводе, не составляют из себя множества, но есть она одна, которая по принесении к нему отправляема была обратно в садок; и продавалась различными ценами, потому что дела просителей имели разные качества: например, магистрат, прося об общественных делах, всякий раз покупал ее по триста рублей, купцы для собственных своих дел, кои побогатее, по сту, а понедостаточнее по пятидесяти рублей; дворяне также покупали ее разными ценами для подносу воеводе, смотря по состоянию своего дела; а откупщик, или коронный поверенный того города и уезда, когда случалась ему по откупу надобность, которая нередко бывала, а особливо для выемок корчемного вина, генерально платил за нее по пятисот рублей, а иногда и более, смотря на надобность собственного своего прибитка.

К сей отменной продаже определен был от воеводы самый исправный приказный служитель, знающий совершенную цену подаваемых челобитен и дел нерешенных, сверх того состояния и капиталы все в городе и уезде живущих. Он для каждого покупщика назначал цену щуке и посылал записку на садок, где она хранилась, за содержание и сбережение которой платили за каждый месяц рыбаку по десяти рублей, и сей рыбак был крепостной воеводский, выписанный для того нарочно из другой губернии, дабы дело содержать в тайне.

Сия тварь орудием взяток избрана была, как кажется, потому: первое, что имеет она острые и многочисленные зубы, в которые если случится какой-нибудь другой рыбе или иному животному попасться, то уже спасения живота и возврату на сей свет не ожидай; второе, столь прожорлива, что втрое больше себя животное съедает и опустошает целые пруда другой рыбы, не спуская и своему роду; третье, жизнь продолжает долее всех ей подобных, и мне кажется, можно бы назначить ее изображением ехидной ябеды, а не правосудия.

В пять лет воеводства надворного советника, по собственным его выкладкам и достоверным приказного служителя запискам, щука сия стоила около двадцати тысяч; но превзошла б она и сию цену, ежели б сему добросовестному воеводе не последовала смена, по причине, как сказывают, притеснения неимущих, которым за настоящую цену щуки оной продавать не хотели, а требовали всегда назначенную приказным служителем; но недостатки их лишали той покупки, а оттого, сказывают, многие растеряли деревнишки и дворишки, которые и причислены к селам, селцам и дворам обширным и знаменитым.

Расставаясь с воеводством, угощал он дворян и знаменитых купцов, где, между прочим, употреблена была в пищу и та драгоценная щука, которой куски, доставшиеся каждому, ценены были в шутку иной в тысячу, иной более и менее, как кому совесть позволяла; но смененный воевода при сем случае, так как и прежде прищучивать умея, отвечивал каждому без застенчивости, что он служил за то чем только мог и умел.

-- А может-де, получите, -- прибавил он, -- какого-нибудь военного безграмотного воеводу, который, не смысля силы законов, ни себе, ни людям добра не сделает; сам будет без хлеба, да и других не накормит; а я оставляю многих здешних обывателей, а особливо приказных служителей до последнего такими, которые неусыпным моим старанием в производстве по большей части трудных и сомнительных дел довольно руки понагнали и запасли не только себе, но и деткам.

ПРИГОЖАЯ ПОВАРИХА, ИЛИ ПОХОЖДЕНИЕ РАЗВРАТНОЙ ЖЕНЩИНЫ

Часть I

Его Высокопревосходительству действительному камергеру и разных орденов кавалеру

Премногомилосердому моему государю[]*

[] – Здесь имени его не будет по причине той, чтоб не ошибиться. Книги приписываются людям, смотря по содержанию их и по сложению тех людей, кому они приносятся. Я же видал весьма много таких книг, которые приносились знатым господам, но вместо того чтобы добродетели их увеличить, послужили они им сатирою. Так как бы кто, желая похвалить своего мецената, но не зная в похвалах толку и умеренности, весьма нелепо его выругал. И так, опасаяся сего и сверх того не зная доброты сочиненной мною книги, никому именно ее не приписываю. Титул же высокопревосходительства украшает человека, того ради и я поставил его для украшения моей книги, однако не высокопревосходительством желая ее украсить, но теми только буквами, из которых слово сие набрано и напечатано; а следующее письмо приношу всякому высокопревосходительному и высокодобродетельному господину генералу, камергеру и кавалеру, которого изрядные качества, снисхождения и милости выхвалять от искреннего моего сердца неусыпно желаю.*

Ваше Высокопревосходительство

Милостивый Государь!

Все, что ни есть на свете, составлено из тлена, следовательно, и приписуемая вам сия мною книга сделана из тлена. Все на свете коловратно; и так книга сия теперь есть, несколько времени побудет, наконец истлеет, пропадет и выдет у всех из памяти. Человек родится на свет обзрети славу, честь и богатство, вкусить радость и утеху, пройти беды, печали и грусти; подобно и книга сия произошла на свет с тем, чтобы снести ей некоторую тень похвалы, переговоры, критику, негодование и поношение. Все сие с нею сбудется, и наконец превратится в прах, как и тот человек, который ее хвалил или порочил.

Под видом и под названием книги желание мое препоручить самого себя

под покровительство вашего высокопревосходительства: желание общее всех людей, которые не имеют у себя царских портретов. Производятся люди достойные, следовательно, разум, добродетели и снисхождения ваши возвели вас на сию высокую степень. Вам сродно оказывать милости неимущим, а я удобен заслуживать оные со всяким усердием. Кто же вы таков, о том узнает общество тогда, когда будет иметь счастье пользоваться вашими благодеяниями.

Вашего высокопревосходительства милостивого государя нижайший слуга

Сочинитель сея книжки.

Предуведомление

Ни звери, ни скоты наук не разумеют,
Ни рыбы, ни гады читати не умеют.
Не спорят о стихах между собою мухи
И все летающие духи.
Ни прозой, ни стихом они не говорят,
Так стало, что они и в книгу не глядят.
По сей причине зримой
Читатель мой любимой,
Конечно, будет человек,
Который весь свой век
В науках и делах трудится
И выше облака понятием мостится.
И будто бы того он в мыслях не имел,
Что разуму его и воле есть предел.
Всех тварей оставляю,
К тебе, о человек! я речь мою склоняю,
Ты чтец,
Делец,
Писец.
И словом вымолвить ты много разумеешь,
Вверх дном ты книги взять, конечно, не умеешь,
А станешь с головы рассматривать ее,
И будешь видеть в ней искусство все мое,
Погрешности мои все в оной находи,

Но только ты, мой друг, не строго их суди,
 Ошибки сродны нам, а слабости приличны,
 Погрешности творить все смертные обычны.
 С начала века мы хотя в науках бродим,
 Однако мудреца такого не находим,
 Который бы в весь век ошибки не имел,
 Хотя бы он к тому и танцевать умел,
 А я не поучен ни в дудку, ни плясать,
 Так, следовательно, могу и промах дать.

ПРИГОЖАЯ ПОВАРИХА

Я думаю, что многие из наших сестер назовут меня нескромною; но как сей порок по большей части женщинам сроден, то, не желая против природы величаться скромною, пускаюся в него с охотою. Увидит свет, увидев, разберет; а разобрав и взвесья мои дела, пускай наименует меня, какую он изволит.

Известно всем, что получили мы победу под Полтавою], на котором сражении убит несчастный муж мой. Он был не дворянин, не имел за собою деревень, следовательно, осталася я без всякого пропитания, носила на себе титул сержантской жены, однако была бедна. От роду мне было тогда девятнадцать лет, и для того бедность моя казалась мне еще несноснее; ибо не знала я обхождения людского, и не могла приискать себе места, и так сделалася вольною по причине той, что нас ни в какие должности не определяют.

В самое это время наследила я сию пословицу: „Шей-де, вдова, широки рукава, было бы куда класть небывльня слова“. Весь свет на меня опрокинулся и столько в новой моей жизни меня возненавидел, что я не знала, куда приклонить мне голову.

Все обо мне переговаривали, винули и порочили меня тем, чего я совсем не знала. Таким образом, ударилася было я в слезы; но честная старушка, которая известна была всему городу Киеву, ибо в оном я тогда находилася, взяла меня под свое покровительство, и столько сожалела о моем несчастьи, что на другой день поутру сыскала молодого и статного человека для моего увеселения. Сперва показалася было я упорною, по через два дня охотно предприяла следовать ее советам и позабыла совсем свою печаль, которую чувствовала я невуштуно две недели по кончине моего супруга. Сей человек был больше молод, нежели

хорош, а я пригожа довольно, а на „красненький цветочек и пчелка летит“. Он был дворецкий некоторого господина в тратил деньги без остановки потому, что они были прямо господские, а не его собственные. Таким образом, были они доказательством любви его ко мне и служили вечным залогом. В скором времени почти весь гостиный двор узнали, что я великая охотница покупать нужные вещи и безделицы, и поминутно почти прирастали в нашем доме пожитки и прибывало имение.

Я твердо знала сию пословицу, что „богатство рождает честь“. И так, наняла себе служанку и начала быть госпожою. Умела ли я людьми командовать или нет, о том и сама не знаю, да мне и не было тогда нужды входить в такую мелочь, а довольно того, что я ни за что сама приняться не хотела, и ехала на моей служанке так, как дурак на осле. Господин камердинер и сам желал не меньше меня господствовать, того ради нанял мальчишку, чтоб оный прислуживал ему тогда, когда беседует он у меня, а у меня бывал он безвыходно, следовательно, господство наше ни на минуту не прерывалось, и мы кричали на слуг так, как на своих собственных, били их и бранили, сколько нам угодно было, по пословице: „На что этого боля, когда дураку есть воля“. Да мы же поступали так, что „били дубьем, а платили рублем“.

Чем больше имеет убранства женщина, тем больше бывает в ней охоты прохаживаться по городу, и от того наши сестры многие портятся и попадают под худые следствия. Я была довольна всем, и всякий ясный день бывала на гульбищах, многие меня узнали и многие хотели завести со мною знакомство.

Некогда близко полуночи стучался у наших ворот человек, который не столько просился, а больше хотел вломиться силою. Мы бы его и не пустили, однако силы нашей не доставало, а господина камердинера у нас тогда не было; таким образом, послала я слугу отпирать, старуха моя готовилась его встретить и спрашивать, а я тогда спряталась и думала, что не Парис ли приехал за Еленою по причине той, что я была завидная женщина в том городе; или, по крайней мере, так о себе думала.

Отперли им ворота, и вошли они в горницу двое, один казался из них слугою, а другой господин, хотя и одет был похуже первого. Не говоря ни слова, сел он за стол и, немного посидя, вынял табакерку, осыпанную алмазами. Старуха моя тотчас ее обозрела, от чего трусость ее переменилась в радость, и перестала она сих людей почитать неприятелями нашего рода. Молодой этот и пригожий человек спрашивал у нее, не здесь ли живет Мартона, а так называлась я, на что отвечала она: „Я этого не знаю, а спрошу у моего хозяина“. И так, прибежавши ко мне,

говорила, чтобы я им показалась и что золотая табакерка уверила ее о некотором счастье, и притом примолвила сию пословицу: „Аз не без глаз, про себя вижу“. В таких случаях и я была не промах, и к счастью моему, что я не была еще тогда раздета, таким образом появилась к новому моему Адониду¹ с торжественным лицом и благородною пошибкою, и правду сказать, что принята им была хотя не за Венеру, однако за посредственную богиню, по приговорке: „По платью встречают, а по уму провожают“. В самый первый раз показался он мне столько нежен, что в угодность его охотно бы я бросила камердинера, а как подарил он мне ту табакерку, то уже мне и подло показалось иметь сообщение с холопом. По золотому с алмазами подарку заключила я, что сей человек не простого роду, в чем и не ошиблась. Он был господин, и господин не последний. Первое сие свидание было у нас торгом, и мы ни о чем больше не говорили, как заключали контракт, он торговал мои прелести, а я уступала ему оные за приличную цену, и обязались мы потом расписками, в которых была посредником любовь, а содержательница моя свидетелем; а как такие контракты не объявляются никогда в полиции, то остался он у нас и без всякого приказного порядка ненарушимым. Господин положил посещать меня часто, а я обещалась принимать его во всякое время, и так с тем расстались.

По выходе его, не столько радовалась Венера данному ей яблоку, сколько любовалась я подаренной мне табакеркою. Перевертывала я ее в руках, сколько хотела, казала со сто раз старухе, слуге и служанке, и когда что говорила, то указывала всегда табакеркою и все примеры делала ею. А когда чрезвычайная сия радость позволила успокоить мне взбешенный от подарка разум и утомленные от неумеренного кривляния члены, тогда положила я ее против кровати на столике и уснула; но впрочем и во сне живо она представлялась передо мною по пословице: „Кто нового не видал, тот и поношенному рад“. Правду сказать, что табакерка была несколько пообита; но для меня казалась она нова, ибо я отроду таких вещей у себя не имела и иметь их никогда не надеялась.

В десятом часу пополуночи пожаловал ко мне прежний мой волокита; признаюсь, что так скоро отбойрить его совесть меня зазрела, а не желая иметь с ним компании, притворилась я больною; а любезный для меня подарок позабыла снять со столика, и как скоро он его увидел, то взял в руку и, посмотря несколько, спрашивал меня, где я взяла такую вещь; я ему сказала, что я купила.

-- Постой, моя государыня, -- говорил он мне, -- я с тобой инаково переделаюся. Табакерка эта моего господина, и он вчерась только ее проиграл в карты, как сам мне

¹ Адонид -- Адонис -- сын кипрского царя, равный по красоте бессмертным богам; возлюбленный Афродиты (греч. миф.).

о том сказал, так скоро купить тебе ее негде, и она тебе подарена каким-нибудь мотом, то это станется. Я по сих пор думал, что я один только знаком тебе, а теперь вижу, что и весь город посещает тебя по очереди. Я тотчас покажу всем, сколько ты великолепна, теперь же пойду и, приведя лошадей, оберу тебя до нитки, наживай от иного, а мое возврати все до капли.

Выговорив сие, он ушел и оставил меня в ужасном страхе; мы не знали, что тогда делать, бежать нам было некуда, а защитит нас было некому; ибо у таких людей, какова была я тогда, приятелей не бывает, причиною тому неумеренная наша гордость. И так положили ждать непременно несчастья и расставания с нашим господством. На нового любовника еще я столько не надеялась и думала, что когда увидит он меня бедною, то, конечно, бросит. Всякое предвещение тогда для нас было худо, и я бы согласилась тогда лучше умереть, нежели расстаться с моим именем, столько-то я его почитала и любила.

С полчаса времени спустя пришел ко мне новый любовник, к пущему моему несчастью; что мне должно было делать? Я была тогда вся в беспорядке, погибель ко мне приближалась, и еще новый человек должен быть свидетелем несчастья моего и ругательства. Увидев меня в слезах, привязался он ко мне и начал меня спрашивать; я ему ничего не отвечала и бросилась в постелю. В самое то время вошел камердинер во двор и, идучи в горницу, кричал: „Я с тобой переделаюсь!“ Но, увидев стоящего у кровати моей человека, схватил с головы своей шляпу и очень струсил, так что не мог говорить больше ни слова. Новый мой любовник спрашивал его, с кем он поссорился и зачем зашел в такое место. Трусость его не позволяла ему хорошенько изъясниться, и так солгал он раза два или три без правил, а как господин закричал ему, чтобы он пошел домой, то тем дело и кончилось.

В одну минуту, как превеликая гора с плеч моих свалила, и мне казалось, что ужасная туча бед моих так скоро пробежала, что не успела закрыть и солнца. Нетрудно мне было разобрать, что променяла я слугу на господина, и узнала совершенно, что гнев камердинеров в то время не опасен, когда его же господин держит мою сторону. Мне надобно было совсем переодеться, то есть перевернуться из страха в несказанную радость, а как я часто читывала книжку „Бабы увертки“ и прилежала, чтоб научиться им, то превращение сие казалось мне не весьма мудреным. Начала я помаленьку охать так, как будто бы еще училась в случае нужды разнемогаться, и сказала Светону, так назывался мой любовник, что сделался мне некоторый припадок. Тут-то узнала я благосклонность его ко мне и рачение. В одну минуту послал он за лекарем, который хотя и приехал,

однако совсем мне был ненадобен, а господин Светон и одним словом удобен был исцелить меня от самой сильной горячки. С этих пор определил он мне двух человек своих собственных к моим услугам, прислал мне в тот же день серебряный сервиз, иль попросту посуду; и в самый первый раз, как села я кушать с моею старухой, которая, правду выговорить, не умела сесть к ставцу лицом и приняться за ложку, да и я была тогда немного ее посмысленнее, то выговорила про себя сию пословицу: „Доселева Макар гряды копал, а ныне Макар в воеводы попал“. Счастье никому не дает отчету в своих делах, вольно ему пожаловать и осла губернатором, а филина произвести в воеводские товарищи.

Адонид мой был человек светский и знал действительно, как поступается в делах любовных. Поутру прислал ко мне своего камердинера, а моего прежнего полюбовника -- чего он не ведал, -- с подарками. Онный привез мне целую ношу женских уборов, и кланялся мне так, как госпоже, а не так, как своей любовнице, и когда я просила его, чтобы он сел, то отвечал он мне весьма учтиво, что этой чести для него очень много. Чудно мне было очень, что одна ночь сделала меня госпожою и повелительницею над моим прежде бывшим командиром. Приняла я подарки с важным и благородным видом так, как надлежит любовнице знатного господина, и, вынув из кармана полуимперил, дала его камердинеру, который принял у меня и вздохнул весьма от чистого сердца, потом просил, чтобы я выслушала у него нечто наедине, и когда вышли мы в другую комнату, то стал он передо мною на колени и говорил следующее:

-- Государыня моя! теперь, я уже не тот, который намерен был обобратить у вас всё, я вам всё уступаю, владейте им по пословице: „Деньги железо, платье тлен; но кожа всего нам дороже“. Прошу вас об одной только милости, не сказывайте моему господину, что я был вам знаком; а в благодарность за это я буду держать вашу сторону и помогу вам разорять его до конца.

Признаюсь, сколько я ни была бессовестна и сребролюбива, однако такое камердинерово усердие к своему господину показалось мне негодным. Впрочем, добродетель мне была и издали незнакома, и так на двух словах согласились мы с прежним моим любовником проматывать его господина; однако не удалось нам произвести намерения нашего в действие, по пословице: „Не всегда-де коту масленица, бывает и великий пост“. А что воспрепятствовало, то можно увидеть далее, ежели господин читатель не скучил еще читать мое похождение.

С неделю времени наслаждалась я Венериным достоинством и не променяла бы участи моей ни на какое сокровище в свете; но как всем известно, что счастье недолговечно и нет ничего его непостояннее, то фортуна моя поскользнулась

и пошла совсем уже другим порядком. Светон получил письмо от отца, который писал ему, чтобы он весьма скоро был по причине той, что отец его чувствовал себя гораздо слабым и отчаянным сей жизни. Письмо сие привело в такую задумчивость моего любовника, что он не знал, что со мною делать; отцовская болезнь была ему чувствительна, но расставание со мною превосходило оную несказанно. Нежности любовные уступили на время место выдумкам; оные начиналися о мне, о мне и кончилися, я была предметом Светонова беспокойства, и я одна утешала его в сей печали, и он бы охотно желал лишиться отца, только бы не разлучиться со мною.

„Добрый конь не без седока, а честный человек не без друга“. Сосед Светонов, видя его в великой печали, предложил ему такое средство: Светону ехать со мною вместе и, привезя меня, оставить в его деревне, которая от Светоновых деревень отстоит только шестью верстами; а он напишет к своему брату о принятии меня и о угощении и назовет меня близкою жениною роднею, и что Светон может посещать меня там, когда он изволит, без всякого помешательства. Как предложено, так и сделано, и за такую хорошую выдумку подарил любовник мой соседу своему перстень, ценою в пятьсот рублей. В тот же самый день собрались мы и поехали. Питомица моя не хотела за мною следовать, и так оставила я ее на своем месте, и наградила столько щедро, сколько надобно было любовнице знатного господина; а рассталася с нею без слез, ибо я не знала, что то есть на свете благодарность, и о том ни от кого не слыхивала, а думала, что и без нее прожить на свете возможно.

В середине нашего пути объявил мне Светон, что он женат, и женился недавно, и уверил меня, что жены своей не любит, причина тому, что родители часто женят своих детей не на тех, кого захотят дети, но уславливаются сами между собою и приневоливают к тому детей, отчего редко бывает согласие между мужем и женою. Светон уверял меня, что так же и с ним поступлено; однако ведомость сия стоила мне добрых пилюль, и от того я в два дни так похудела, как будто бы с месяц лежала в горячке. Я не грустила о том, что лишуся моего любовника, но боялася я нечего, которое гораздо страшнее было любовной разлуки. Я бы могла, или чувствовала себя способною в один день перенести три разлучения с любовником, нежели один такой прием, которым потчевают благородные жены нашу братью за похищение их мужей; а сердце мое прямо предчувствовало такую бурю, и я бы охотно согласилась назад воротиться, нежели следовать за Светоном, но он, любя меня, к несчастью моему, весьма много, не хотел о том и слышать и уговаривал меня, что жена должна ему повиноваться и принимать все то за хорошее, что только ему угодно.

Такая песня была бы мне приятна в городе, но тут чем ближе подъезжала я к деревне, тем больше страх во мне час от часу умножался, по пословице: „Знает-де кошка, чье мясо она съела“. Наконец привезли меня в назначенное мне место, где принята была я с великою радостью, ибо брат того, который писал письмо, подумал и в подлинну, что я жены его родня. Таким образом поблагодарила я Светона, что он делал мне товарищество в дороге, и осталась тут всем довольною.

На другой день поутру, еще не успело рассветнуть, любовник мой пожаловал ко мне для посещения, он меня чрезвычайно обрадовал, сказав, что отец его совсем выздоровел и что мы очень скоро отправимся опять в город.

-- Жена моя хочет со мною ехать, -- говорил он мне еще, -- но это так немудрено переделать, как дважды два четыре, и она опять останется здесь.

Таким образом, готовясь опять в дорогу, имели весьма нередкое свидание, и правду сказать, что господин Светон больше находился со мною, нежели был дома, что и сделалось наконец причиною моего несчастья.

Супруга не умедлила подозревать своего сожителя и, уведав от людей, хотя и накрепко им было заказано сказывать о моем пребывании, послала она за хозяином того дома, в котором я находилась, и без дальних околичностей разобрала тотчас мое достоинство и согласилась с хозяином выведать то совершенно для того, что и тот уже подозревал меня, по пословице: „Шило в мешке не утаишь“ или: „Виден сокол и по полету“.

В некоторое время, когда сидели мы одни с Светоном и по слабости человеческой впустились в любовь, в самое то время отворился шкаф, который, на беду мою, стоял в той комнате, из одного вышла женщина и сказала нам: „Час добрый, друзья мои!“ Любовник мой спрыгнул, а я вскочила, он ушел из комнаты, а я вытерпела ударов с десятков ладонью по щекам; это было начало; а о конце я не скажу из учтивости к себе. Довольно и того, что в скором времени появилась я на чистом поле, не имея ничего и без проводника. Горько мне тогда было, и чувствовала я прямо свое несчастье, которое окружало меня со всех сторон, но что ж было делать? „Не прав медведь, что корову съел, не права и корова, что в лес забрела“.

Леса и поля мне были незнакомы, они были мне не любовники не прельщались моей красотою и мне ничего не давали, следовательно, находилась я в крайней бедности. К вечеру набрела я на некоторую деревню, где принуждена была променять шелковое платье на крестьянскую одежду; ибо совесть меня зазирала путешествовать в оном, а в то время еще не прижилась я в оной. Таким образом, обмундировалась я терпением и тою одеждою и пустилась в путь. В дороге ничего

со мною важного не случилось, выключая того, что я из важных бедных была важная бедная, но такие описания не всякий читает с охотою. Богатый боится обеднять, а скудному она уже наскучила. Итак, толкование о пути моем отлагаю в сторону; а буду говорить о том, что может увеселить читателя.

По календарным знакам прибыла я в Москву в среду, а день сей означается у нас древним языческим богом Меркурием; Меркурий же был бог плутовства, итак, как будто бы его помощью определилася я в поварихи к секретарю. Иной веселый человек примолвит, что попался-де огонь к сену; однако нередко и ошибиться можно. Секретарь был человек набожный; он никогда не вставал и не ложился спать, не помоляся богу, перед обедом и перед ужином читал обыкновенные молитвы вслух и умывал завсегда руки, не пропускал ни одного воскресенья и бывал всегда у обедни, а в дванадесятые праздники ездил развозить поклоны или принимал оные сам от челобитчиков. Всякое утро стоял он по два часа на молитве, а жена его в то время в передней горнице упражнялася во взятках и принимала всячиною. Когда же садилися они пить чай, то маленький их сын подавал ему реестр поимянно всех людей, бывших у него в то утро, и кто что и сколько принес, таким образом, смотря по величине приноса, решил он и дела в приказе. В сие время узнала я, что все служители секретарские пользуются взятками так, как и их господин. Когда поедет он в приказ, то сожительница его начинает пересматривать подарки, многие берет себе, а другими делит служителей. В одну неделю получила я платков с восемь, выключая кренделей и яблоков, которыми мы всякий день довольствовались.

Сперва секретарская жена меня полюбила, по причине той, что „рыбак рыбака далеко в плёсе видит“. Она была женщина податливая и чаще изменяла мужу, нежели старалася наблюдать к нему верность, чего, правду сказать, не пристально он и требовал для того, что прибыток наблюдал он больше, нежели свою честность; ибо он думал, что и без чести дом его может быть изобилен так, как полная чаша. Сверх сего похвального дарования супруга его придерживалася различных вин, в которых не имела она никогда нужды, следовательно, была она только тогда трезвою, когда вставала поутру с постели. Я же не имела за собой сего порока, и так не могла делать ей компании в этом; но в прочем во всем была ее наперсницею. Счастливое мое состояние вышло было у меня совсем из головы, но напомнил мне оное безграмотный канцелярист, который жил у секретаря в доме для переписки с черного набело. Весьма мне было удивительно, что он, не умея грамоте, умел в меня влюбиться, а я прежде думала, что любовь никогда не заходит в подьяческие сердца. Чуден он был в должности канцеляриста, но в должности

любовника показался мне еще чуднее. Узнал он любовь, но только не ведал того, с которого конца за нее ухватиться и как к ней пристать. Во-первых, начал он мне примигивать и кивать головою, я поняла его намерение и предприняла над ним посмеяться. Желая прежде уведомить его разум, задала я ему три задачи, чтобы он мне оные решил: кто умнее всех в городе, кто учение и кто добродетельнее всех.

На другой день поутру изъяснялся он мне так:

-- Я не нахожу никого умнее нашего секретаря, который решит все дела без остановки и докладывает об них всегда по порядку; а учение нет некоторого стряпчего, который читает почти все указы наизусть и часто заставляет молчать судей; кто же добродетельнее всех, об этом я не ведаю, да думаю, что и многие из канцелярского племени о том тебе не скажут; ибо редко мы слышим о добродетели.

Выслушав его, я усмехнулась, а он продолжал говорить:

-- Что, разве ты думаешь, что стихотворцы умнее всех людей с своими кавыками и точками? Ежели бы попались они к нам в приказ, то позабыли бы ставить точки, когда бы с оными насиделись без хлеба. А намеренны не знаю как занесли к нам оду какого-то Ломоносова, так мы всем приказом разобрать ее не умели; да что больше говорить, сам секретарь сказал, что это бредни и не стоит она последней канцелярской записки.

Так толковал любовник мой о ученых людях, а я чаю, первому бы из них не дал он у себя места и в копиях. Разобрал же он скоро, что разум его был не на мой вкус, и оным мне он не понравился, таким образом предпринял угодить подарками. Чего ради начал прилежать переписывать дела, и правду сказать, то по состоянию его дарил он меня довольно; ибо за всякую переписку брал он всегда тройную цену, и сказывают, что у них так и ведется: когда приказный под покровительством секретарским, то за всё про всё получает втрое. В это время потужила я о Светоне и иногда, сравнивая канцеляриста с ним, плакала горько, а это происходило оттого, что я была глупа, а ныне наши сестры поступают не так, они всегда желают лишиться скорее знатного господина, чтоб отыскать вскорости другого и начать снова разжигаться, и для того-то ни одной нашей сестры, то есть такой же пригожей поварихи, как я, в целом государстве не отыщешь верной, чтоб которая не хотела иметь вдруг по три и по четыре любовника.

Попечением и трудами канцеляристовыми имела я на себе платьице уже почище, и так приезжающие к госпоже секретарше воздыхатели начали поглядывать на меня поумильнее, нежели на хозяйку, что ей очень не понравилось; таким образом, отказала она мне от своей службы.

Вышедши из этого дома, не тужила я много; ибо не с кем было расставаться,

следовательно, ничего я и не лишалась. На другой день пожаловал ко мне сводчик, из лица его увидела я, что он сыскал мне изрядное место, а для него это было прибыльно для того, что каково место, такая ему и плата за отыскание оного. Сказал он мне, чтобы я прибралась получше, ибо там, где я буду жить, не услуги мои потребны, но нужно лицо. Могу сказать, что я одеваться умела, лишь только бы было во что; принарядившись довольно изрядно, отправилися мы в путь, и когда пришли к тому двору, то велел он мне постоять у ворот, а сам пошел уведомить хозяина о моем пришествии и спросить его, можно ли мне войти к нему, и потом выбежал очень скоро и велел мне идти за собою. Когда вошла я в горницу, то увидела человека совершенных уже лет, имевшего долгие виющиеся усы и орлиный нос. Он был отставной подполковник, служащий в гусарских полках. Тогда сидел он в креслах и считал серебряные деньги; увидев меня, привстал несколько, сказал мне: „Здравствуй, сударыня“, -- и просил, чтобы я села, потом приказал слуге нагреть воды на чай и начал со мною разговаривать.

-- Я, сударыня, человек вдовый, и уже этому будет дней с восемь, как умерла моя жена, мне же лет уже довольно, и доживаю я седьмой десяток, так присматривать за домом великая для меня тягость. Мне непременно потребна женщина таких лет, как вы, чтоб везде могла присмотреть, то есть в кладовой, в погребе, на кухне и в моей спальне, а мне уже, право, не под леты таскаться всякий день по всем этим местам. На слуг я не полагаюсь, правда есть у меня и повариха, но ей более уже сорока лет, следовательно, она не столько проворна, как молодая особа, и многое просмотреть может. Что ж касается до платы, то отнюдь рядиться я не намерен, а смотря по услугам, так и я благодарить буду, мне ведь не Аредовы веки жить, а как умру, то и все останется, и совсем не знаю кому, ибо я человек чужестранный и здесь у меня родни никого нету. А когда же надзирательница моя придет мне по сердцу, то я сделаю ее наследницею всего моего имения. Я слышал, сударыня! -- примолвил он, -- что вы ищете такого места, то если вам угодно, пожалуйста останьтесь в моем доме, я буду вам чрезвычайно рад и не сомневаюсь в том, чтобы вы не знали очень хорошо домашней экономии.

Я не так была глупа, чтоб стала отговариваться от такого предложения. Имение стариково мне понравилось, и я тотчас предприняла угождать его деньгам. Когда же я согласилась на то, то пожаловал он сводчику пять рублей денег, и несколько еще домашнего запаса за то, что приискал он ему надзирательницу по сердцу; оное приметил я из глаз и из щедрости под-полковничьей.

Сказала я ему, что мне надобно съездить и перевезти маленькое мое имение, но он не хотел на то согласиться и говорил, что мне ничего не надобно.

-- Вот вам ключи, сударыня, ото всего жениного платья, оно вам, конечно, будет впору, употребляйте его, как вы изволите, а его будет довольно.

Таким образом в один час приняла я власть в доме и все его имение к себе на руки, а часа с два спустя получила команду и над хозяином, ибо он не умедлил открыться мне, что чрезвычайно в меня влюбился и что если я его оставлю, -- говорил он мне, -- то он, не дожив века, скончается.

Жадность к нарядам немного времени позволяла мне медлить, пошла я по сундукам, в которых нашла довольно изрядного платья; но более всего жемчугу, которого я еще отроду не видывала и не имела на себе. Обрадовавшись тому слишком и забыв благопристойность, в самый первый день начала его перенизывать по-своему, а господин гусарский подполковник, надевши очки, помогал мне в моей работе и, выбирая крупные зерна, подавал мне для низания и целовал мои руки. Когда приспело время к обеду, я с ним обедала, с ним ужинала и после ужина была с ним вместе.

Дни наши текли в великом удовольствии со стороны моего любовника; правду выговорить, и я была не недовольна: богатство меня веселило, по пословице: „Золото хотя не говорит, однако добра много творит“. Но старость его несколько меня беспокоила; однако сносила я оное терпеливо так, как великодушная и постоянная женщина. Впрочем, из дому мне никуда не позволялось выйти; разве только в церковь, да и то весьма редко, а в одни дванадесятые праздники. Это мне казалось несколько немило по причине той, что женщине таких лет, в каковых я была тогда, не столько потребна пища, сколько надобно гулянье, да я же была и всем довольна; а в великом удовольствии домашняя неволя пуще крепкой тюрьмы. Жили мы тогда у Николы (что на курьих ножках). Таким образом, во время праздника собралась я к обедни и нарядилась столько великолепно, сколько мне заблагорассудилось, и так иод смотрением древнего моего любовника пришла в церковь и стала тут, где обыкновенно становятся боярыни. А как провожал меня подполковник с великою учтивостью, то всякий не смел потеснить меня или чем-нибудь обеспокоить, понеже платье и почтение моего любовника делали меня великою госпожою. А я, чтоб не уронить мне к себе людского почтения, смотрела на всех гордо и не говорила ни с кем ни слова.

...

http://az.lib.ru/c/chulkow_m_d/text_1770_progozhaya_povariha.shtml